

УДК 94

КРУЖАЛИНА Анастасия Алексеевна,
кандидат исторических наук, Иркутск, Россия
dekanat@hist.isu.ru

KRUZHALINA Anastasiia Alekseevna,
Candidate for Doctorate in History, Irkutsk city, Russia
dekanat@hist.isu.ru

**ОТ «КИТАЙСКОГО ГОСТЕПРИИМСТВА» ДО
«ЖЕЛТОЙ УГРОЗЫ»: ФОРМИРОВАНИЕ
ВНУТРИРОССИЙСКОГО КИТАЙСКОГО
ВОПРОСА НА СТРАНИЦАХ СИБИРСКОЙ
ГАЗЕТНОЙ ПРЕССЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
XIX ВЕКА**

**ASSUMPTIONS RANGING FROM THE
«CHINESE HOSPITALITY» TO THE «YELLOW
THREAT»: COVERING «THE CHINESE
MATTER» BY SIBERIAN NEWSPAPERS OVER
THE SECOND HALF OF XIX CENTURY**

Интерес Российского населения к сопредельным государственным образованиям – их политическому строю, социальной организации, культурным традициям – проявлялся во все времена. Разумеется, один из ближайших и крупнейших соседей России на Востоке – Китай – не мог долгое время оставаться безынтесным для российской и, в частности, сибирской общественности. В рамках данной статьи было решено изучить и охарактеризовать образ Китая и китайского населения на материалах сибирской прессы, а также выявить и проанализировать предпосылки и историю формирования внутрироссийского «китайского вопроса» во второй половине XIX в.

The Russian population at all times manifested their concern in the neighboring state entities wondering about their political system, society' organization, cultural traditions. Of course, China being one of the closest and largest countries neighboring Russia to the East could not have remained for long beyond the Russian scope of interest and, in particular, for the Siberian public. The author of the paper determined to examine in this paper China and the Chinese population and give a description of the images made upon the publications of the Siberian print media, as well as to reveal and explore preconditions back in history having entailed emersion of the Russian-made "Chinese matter" in the second half of XIX century.

Ключевые слова: Сибирь, история XIX века, китайцы, пресса.

Keywords: Siberia; history of the XIX century; Chinese people; print media.

История торговых контактов русских с китайцами уходит вглубь веков. Уже тогда российское население активно интересовалось загадочным восточным соседом. Интерес в основном удовлетворялся посредством рассказов торгового населения, побывавшего в Поднебесной и пересказывавшего свои эмоции и впечатления в частном порядке. Более широкое и детализированное освещение тема Китая получила лишь с развитием частной прессы в России, особенно в Сибири. Такие газеты как «Сибирь», «Восточное обозрение», «Сибирская газета» и «Владивосток», стали флагами сибирской прессы, трансляторами общественного мнения. Очевидно, что многогранная тема загадочного Китая не могла не привлечь внимание редакторов и сотрудников сибирской прессы. Так, на страницах сибирских газет максимально часто встречаем реплики подобного рода: «китайское гостеприимство», «предприимчивые китайцы», «мы очень мало знаем внутреннюю жизнь наших соседей китайцев, но сведения о политическом устройстве Китая еще менее нам известны», «заколдованный великан», «на положение нашей торговли с Китаем нужно обратить очень серьезное внимание», «вопросы повышения тарифа для нашей торговли с Китаем», «Китай принимает энергичные меры для защиты своих границ» [20; 27; 29; 40; 33].

Анализ статей периодической печати позволяет нам заключить, что публикации сибирской прессы второй половины XIX в. по данной теме можно условно разделить на два периода. Так, если в период 60-х – начала 80-х гг. XIX в. сибирские издания наибольшее внимание уделяли этнографическим характеристикам китайского народа, описанию картин быта, исторического прошлого Китая, описанию и характеристике торгово-экономических связей Российской империи, и Сибири в частности, с Китаем и его населением, то в период со второй половины 80-х по конец XIX в. наблюдается поворот внимания печати непосредственно к внутреннему китайскому вопросу.

«Приблизительно с 1885-1886гг. начинается движение китайцев в наши пределы, преимущественно во Владивосток, – китайцев особого сорта и типа. ... это не тот китаец, который приходил к нам и садился на землю, – китаец-пахарь, – нет; к нам повалила, в большинстве случаев, та ремесленная и чернорабочая голытьба, которой в самом Китае не было ни дела, ни места» [9].

Именно в обозначенный период на страницах сибирской прессы появляются такие термины, как «желтый вопрос», «желтая угроза», «желтые и белые» и т.п. Причем о нарастающей остроте вопроса и его значимости для сибирской общественности свидетельствует тот факт, что подобные публикации размещались в изданиях на всем пространстве Сибири, от Тобольска

до Петропавловска. В данном контексте второй период наиболее интересен для нас, именно его характеристике и будет посвящена данная статья.

Как отмечала в 1888г. «Сибирская газета», «вопрос о наших отношениях к Китаю не сходит со столбцов газет и со страниц наших журналов» [12]. Несмотря на то, что Айгунский и Пекинский мирные договоры 1858 и 1860 гг. соответственно, казалось бы, урегулировали масштабные пограничные споры России и Китая, не все проблемы были решены, и данная тема оставалась актуальной и после ратификации обозначенных договоров. Связанно это с тем, что население конкретных территорий противоречиво оценивало решения официальной дипломатии, поэтому активное распространение получили эмиграция (как китайского населения в пределы России, так и наоборот), а как следствие – разного рода приманки правительства с целью удержания населения и снижения масштабов эмиграции.

Письма и заметки из Кульджи постоянно сообщали сведения подобного характера. Так в № 29 «Восточного обозрения» говорится: «По сдачи нами Илийской долины китайцам, большинство бывшего населения оной, как оседлого, так и кочевого, переходит к нам» [10]. В свою очередь китайцы, желая удержать у себя в Илийском крае побольше тарачей, поголовно переселявшихся в наши пределы, прельщали их остаться на месте, обещаями оказать каждой семье значительную помощь [26].

Вместе с тем китайские переселенцы, массами хлынувшие в пределы России, встревожили правительственные органы и российскую общественность, которая открыто заговорила о «желтом вопросе»: «Китайцы очутились у нас, перейдя даже центр [России], ближе к западу. Их насчитывается целых 25 тысяч в Семиреченском крае...» [5]. Неудивительно, так как переселившиеся китайцы, «поддерживая постоянные сношения с Китаем, строго охраняют свои обычаи и, пользуясь самостоятельным внутренним управлением в своих обществах, находятся почти вне русского влияния. Это своего рода государство в государстве» [1, с. 1]. В связи с чем один из корреспондентов «Восточного обозрения» недвусмысленно заключает:

«Очень желательно было бы, чтобы мы позаботились о возможно лучшей обстановке новых наших подданных... мы должны ожидать от них больше пользы... китайцы не только превосходные земледельцы, садовники, огородники, но и отличаются в ремеслах... вместо того, чтобы гнать от себя китайцев, лучше всего, давая им приют и предоставляя считать себя равноправными гражданами в новом отечестве, поставить противовес в последствии могуществу собственного Китая... Китай никогда не завоевывали инородцы, его завоевывали для инородцев сами китайцы» [1, с. 2–3].

В свою очередь «Сибирская газета» дополняла, что китайское правительство принимало все возможные меры, чтобы воспрепятствовать «подданным Небесной империи наниматься рабочими к русским и вообще производить какие бы то ни было работы для последних» [28]. То же издание справедливо считает, что «не уступками, а твердостью и строгим выполнением трактатов можно заставить китайцев уважать права русских и импонировать им» [18]. Иными словами, пограничные споры России и Китая не давали покоя правительству, населению пограничных территорий и, конечно, прессе, которая являлась громким транслятором общественного мнения.

Тема китайских мигрантов, начиная с 80-х г. XIX в., стабильно находилась в фокусе сибирской прессы. Последняя подробно и планомерно освещала не только масштабы китайской миграции, но также и меры российского правительства в отношении прибывших китайцев. Издания настаивали на том, что необходимо трезво взглянуть на появившуюся проблему и принимать соответствующие меры для того, чтобы, с одной стороны, использовать миграцию китайцев в благих целях, превращая их всеми силами в полноправных граждан Российской империи, но одновременно с этим не допустить бесконтрольного притока нищих и разбойников из Поднебесной.

Поясняя первое суждение, отметим, что сибирские издания сходились во мнении, считая, что *«русская кровь перерабатывает немецкую, польско-жидовскую, татарскую, финскую; она же с успехом перерабатывает и кровь китайскую, не только не против нас, но напротив, заставит еще бодрее смотреть в глаза будущности, в сознании собственной национальной устойчивости. Испортить же нас может только измена русским традициям, обмененным на новые взгляды, то есть отступление от того принципа объединения, которому мы следовали до сих пор в обращении с инородцами»*. И действительно, сибирские корреспонденты считали, что первоочередной задачей общества и правительства во взаимоотношениях с китайскими мигрантами (земледельцами, торговцами, ремесленниками и т.п.) в регионе должно стать планомерное, всеобъемлющее приложение всех «сил и стараний» к «мягкой и плавной» ассимиляции последних; дабы не поспособствовать своим бездействием бесконтрольному и стихийному притоку «нежелательного китайского элемента». Издания указыва-

ли на то, что *«мнение на счет китайской неподатливости далеки от истины. В сущности, нет нации более способной ассимилироваться, чем китайцы, только нужно уметь взяться за дело... Попробуй обращаться с ним по-человечески, сумеи внушить ему, что быть русским гораздо почетнее, и он станет лезть из кожи, чтобы добиться этого»* [3].

Справедливости ради отметим, что подобные случаи, хоть и не часто, но случались. Так «Владивосток» сообщает об «одном из немногих примеров ассимиляции [китайца] с русскими»: «В окрестностях с. Никольского проживал один богатый китаец. Китаец этот отличался своею привязанностью к русским, чем мог, помогал им. За свою привязанность он выносил даже гонения со стороны своих соотечественников. Во время восстания 1868г. этому приверженцу русских пришлось бежать вместе с последними, иначе его ждала месть со стороны сородичей. Впоследствии китаец этот принял православие и женился на русской. ... живет в с. Никольское, носит известную фамилию, имеет награды от нашего правительства» [38]. Но такие случаи были лишь редкими исключениями, большинство китайских миграций в регион имели временный, эпизодический характер, о чем свидетельствовал приезд в основном мужского населения, чьи семьи оставались на родине; и лишь незначительное число китайцев переселялись в Сибирь с семьями (как правило, это были обеспеченные торговцы): «из всех живущих здесь [во Владивостоке] китайцев женатых более половины, но оставив жен на родине, они по десяти лет проживают вдали от них» [17]. В 1897 г. «Сибирская жизнь» сообщала, что если «до последнего времени китайцы при непосредственных сношениях с Сибирью не имели обыкновения брать сюда своих жен», то «ныне обычай этот изменился и во Владивостоке начинает появляться значительное количество китайских женщин» [23]. Для достижения объективности заметим, что положение мигрировавших китайцев в регионе не было однозначным. Так, «Владивосток» за 1893 г. сообщает: «В настоящее время количество их [китайцев] в городском населении не превышает десяти. Китайки эти или жены очень богатых людей, или беднейших, ... или, наконец, совершенно одинокие женщины, игравшие в Китае не совсем завидную роль певичек или проституток» [17].

Во многом именно в связи с этим к концу XIX в. стала явно наблюдаться трансформация общественного мнения в отношении прибывающих в регион китайцев: если *«ранее на приезд китайцев смотрели как на явление весьма желательное»* в связи с тем, что это могло стать дополнительным стимулом к ассимиляции китайцев, решившихся переселиться в Сибирь с семьей; то теперь, *«когда прилив их хотя и в ничтожном количестве начался – дело сразу же приняло совершенно другой оборот: их стали арестовывать (по неизвестным причинам), а также запугивать, и многие из приехавших китайцев, вследствие этого, бесповоротно решили снова отправиться на родину, где им, по всем признакам, жилось несравненно лучше и спокойнее»* [19].

Разумеется, в подобных условиях важно было найти золотую середину, предполагаемая модель действий включала многие методы воздействия, такие, например, как «необходимость всем живущим между русскими крестьянами китайцам обучать детей в русской школе», дробить китайское население таким образом, чтобы «русский элемент был господствующим и мог оказывать известное влияние» и т.п. Предлагаемые меры автор считал вполне целесообразными. Преимущества данной модели действий в целом, по его мнению, сводились к тому, что они «не ставят особенных стеснений китайцам, но не дают и повода к массовому переселению их в наши пределы». Корреспонденты отчетливо понимали, что *«следовало бы осторожнее относиться [именно] к временному китайскому наплыву, то есть сдерживать его в известных, относительно ровных пределах, так как тут легко можно встретиться с крайне прискорбными и нежелательными последствиями»* [4].

Сибирская печать всячески настаивала на формировании позитивного взгляда на китайских переселенцев: *«Желательно, чтобы в среде нашего общества установилось более справедливое и гуманное отношение к китайскому населению в замен тем обобщениям, что «китайское население во всех отношениях признается вредным»* [2]. Тем более, что их все увеличивающееся присутствие в регионе было очевидно. Дополнительный стимул к этому дало строительство железной дороги. «Томский листок» свидетельствует, что «прибывающие во Владивосток на пароходах китайцы из Чжифу быстро разбираются подрядчиками на железную дорогу» [30], а «по всему тракту между Сретенском и Благовещенском движутся артели китайских рабочих на железнодорожные заработки» [7]. На «строительстве Уссурийской железной дороги добрая половина рабочих маньчжур [китайцы] и корейцы» [14]. Как и в других отраслях, тут они тоже с успехом конкурировали с русскими рабочими, соглашаясь работать за более дешевую плату: «У некоторых подрядчиков на ветке Восточно-Китайской дороги китайцы работали за 12 коп. в день» [25].

Издания изобилуют сообщениями о том, что «всякий, имевший дело с китайцами, скажет, что при справедливом к ним отношении, они являются трудолюбивыми, непритязательными и скромными работниками, с которыми легко ладить, – тем более что, – Китайцы являются в русские пределы не с пустыми руками: они приносят за собой земледелие и ремесленные знания, неутомимое трудолюбие и нравственные качества, которые во многом могут служить примером для русского населения» [13], «русский человек не так пунктуален и кропотлив в работе, как китаец, и не будет отделять каждую вещь до мелочей» [32], «китаец, хотя работает медленнее русского, но, благодаря своей выдержке и нетребовательности, часто имеет перевес над ним» [11]. Все обозначенные суждения, безусловно, соответствовали действительности. Действительно, многих «примерных» китайских рабочих-мигрантов, по свидетельству сибирских изданий, по большому счету не в чем было и упрекнуть. Однако именно их трудолюбие, смирение, качество выполняемой работы и довольствование скромными вознаграждениями за нее делали русских рабочих неконкурентоспособными. Тем более, что, с одной стороны, «русских рабочих подрядчики несколько побаиваются, опасаясь жалоб и энергичных протестов, [с китайцами же] каждый наниматель считает возможным поступать по своему "разумению"» [6]; а с другой, «экономическая выгода китайской конкуренции по отношению к частному предпринимательству слишком очевидна, а частно-хозяйственные интересы слишком меркантильны и эгоистичны, чтобы идти наперекор общему течению, поступаясь личными выгодами в пользу общей национальной идеи» [14]. Всё это вызывало озлобленность, а зачастую и гнев русского населения, который все чаще выражался в форме попыток прямой физической расправы над китайскими мигрантами. А это, по пророческим подозрениям сибирских корреспондентов, «может вызвать возникновение нежелательной племенной вражды», тогда как «со стороны местных властей не заметно скольконибудь энергичного вмешательства в эти распри» [31]. А между тем терпению китайцев тоже есть предел. В отличие от остальных сибирских инородцев они имеют «за своей спиной, в своем отечестве, возможность сравнивать; ему близко знакомы иные взгляды на право и иные способы его отстаивания ... китаец особенно сильно должен чувствовать явную для него справедливость» [22].

Между тем «у нас, в большинстве случаев, особенно низший класс населения, относится с высокомерным презрением, или с обидной снисходительностью, не подозревая, что в будущем они создадут массу сложных вопросов» [15]. «Сплошь и рядом [сибирские корреспонденты встречают] возмутительные расправы европейцев с этими хозяевами Азии. Дать на улице дорогу китайцу – позор; не выругать при случае черепахой – как-то нельзя; признать в нем человека – стыдно и т.д., а побить за пустяки палкой, – доблесть, – и это проделывает каждый мальчишка» [21]. «Достаточно посмотреть газеты Приамурского края, чтобы убедиться в существовании сильного неприязненного чувства, проявляемого русским населением относительно пришельцев из Китая. Хроника Благовещенска, также как Владивостока и др. менее значимых пунктов, изобилует драками и насильственными расправами, в которых вызывающей и обыкновенно побеждающей стороной являются русские, между тем, как безответные китайцы очень часто тщетно ищут защиты у тех, на обязанности которых это лежит» [13]. Таким образом, обругать, запустить в китайца камнем, перевернуть корзину с фруктами – «ровно ничего не значит. Этим занимаются не только уличные мальчишки, но и дети «благородных» родителей» [8]. Тогда как «нужно очень много для того, чтобы побудить [саших китайцев] к сопротивлению, но тогда они восстанут все против несправедливости, и глубоко укорененное чувство солидарности придает им большую силу в борьбе» [13].

И все-таки не следует воспринимать китайских рабочих-мигрантов как исключительно однородную массу, были и среди них желающие периодически «разжиться чужим добром». Нельзя сказать, чтобы все они «были агнцами», но это, по справедливому указанию сибирской прессы, не дает русскому населению, а тем более «блюстителям порядка» применять «кулачную расправу с манзами»; «более сдержанное отношение к ним было бы справедливее» [36]. Законные санкции кажутся корреспондентам куда более уместными в отношении манз, чем физический произвол и неприкрытое насилие. Тем более, что было немало законных оснований к применению санкции в отношении «манзового произвола». Однако власти, как это зачастую бывает в таких ситуациях, свое восприятие отдельных вопиющих случаев переносили на взаимоотношения с остальными, даже неповинными, китайцами-манзами, что корреспонденты также не считали разумным. Так «Владивосток» сообщает, что «идушие в порту на работу манзы, 12 человек, были взяты полицейским для очистки улиц в слободке, – анализируя данное событие, автор замечает, – Помимо того, что это может служить причиной остановки ра-

бот, едва ли справедливо забирать первого встречного чистить улицы. Понравилось бы нам, если бы мы, идя по улице в Китае, были взяты и нас заставили бы чистить улицы» [35].

Справедливо заметить, что в отсутствии действенных мер правительства по контролю и регулированию притока китайских мигрантов в границы Российской империи в Сибирь действительно хлынули не только «смирненные и кроткие» рабочие-китайцы (манзы – так их именовали в сибирском обществе и прессе), но и те из них, которые позволяли себе совмещать законные заработки с разбоем, а также большое количество воров и шарлатанов из Поднебесной (хунхузы): *«Ежегодно тысячи корейцев и китайцев, почти умирающих с голода на родине, пересекаются в русские пределы, надеясь найти работу, а в случае, если их надежды не оправдаются, занимаются разбоем и грабежами. Нередко приходят известия о всевозможных насилиях, чинимых голодными [манзами и] хунхузами, – этими разбойниками, выходцами из пределов Небесной Империи» [1]: «фальшивые паспорта; курение опиума» [34]; другие «печальные факты варварских поступков со стороны манз, – такие как нападения на русских, особенно в захолустных местах, где нет воинской охраны» [16]; «игорные китайские дома, опиокурильни и т.п. заведения, процветающие» [37] в регионе. От многочисленных происшествий подобного характера регион, по мнению автора газеты «Владивосток», могли спасти вполне конкретные меры: «только строгая паспортная система и ограничение числа въезда в край манз, разрешение им жить исключительно в заселенных русскими местах, с точным определением занятий». Однако проблема заключалась в том, что полностью освободить край от рабочих-китайцев было невозможно, ввиду отсутствия достаточного количества русских рабочих. Необходимо было бы озадачиться массовым заселением края русскими, которые смогли бы реализовать существенный перевес русских над китайцами в большинстве отраслей экономики региона. Поэтому в перспективе на будущее автор поясняет, что «необходимо принять всевозможные меры избавиться от этой желтой расы, которая, хотя и оставляет у нас свой труд, зато причиняет много вреда и ... пользуясь отсутствием русской рабочей силы держит нас в некоторой зависимости» [16, с. 4].*

Итак, сибирская пресса не хотела и не могла отрицать факта все увеличивающегося притока китайских мигрантов в регион. В связи с этим корреспонденты считали крайне необходимым планирование и реализацию действенных правительственных мер в отношении урегулирования временных миграционных потоков, с одной стороны; с другой, по ассимиляции переселяющихся на постоянное жительство китайцев. Все это требует действенного участия не только местных властей, но и региональной общественности именно потому, что *«если считается опасным допустить на окраину евреев, то тем более было бы опасно водворять здесь полноправных китайцев, с правом открытой экономической борьбы против русского элемента. Мы не говорим, конечно, об исключительных случаях; но принцип должен быть проведен твердо, и вопрос о русском подданстве китайцев должен быть поставлен в настоящее время в совершенно особых условиях с принятием, вообще, нашего подданства иностранцами – именно потому, что китаизм у нас страшен своею массою и сплоченностью, против которых борьба обособленных единиц, в конце концов, немыслима» [24].*

В заключение отметим, что сибирское общество, в силу своей близости к Китаю и частоты контактов с китайским народом, проявляло активный интерес к последним: их быту, нравам, политической структуре, уровню экономического развития и особенно планам взаимодействия с Россией. Вполне очевидно, что отмеченные вопросы находили свое отражение на страницах сибирской печати, которая получила активное развитие в XIX в. и довольно быстро завоевала расположение публики, так как стала активным и относительно самостоятельным транслятором общественного мнения. А все нараставшие масштабы трудовой миграции китайцев в регион остро поставили на повестку пресловутый «желтый вопрос».

К концу XIX в. стараниями сибирской прессы в обществе Сибири сформировалось относительно устойчивое мнение о Китае и его народе. При подведении логического итога анализу выше обозначенных публикаций Китай представляется «загадочным драконом», психоэмоциональную основу поведения которого составляют: амбициозное, даже эгоистичное, стремление в будущее; яркость, многогранность нравов, обычаев, образов мышления; «азиатский великан» гордый своими победами и никогда не прощавший своих поражений. Мощная торгово-экономическая экспансия на сопредельные территории, параллельно с воинственной защитой целостности и нерушимости своих границ; борьба буквально за каждого члена китайского общества в сочетании с многоуровневостью социальной структуры китайского общества – таков Китай второй половины XIX столетия в интерпретации сибирской прессы.

Приток в регион китайских мигрантов, а именно все увеличивающиеся его масштабы, заставили сибирскую общественность взглянуть на «азиатского дракона» и его жителей немно-

го иначе. Просветительский этнографический интерес к Китаю сменяется обсуждением реальных социально-экономических проблем, вызванных присутствием в регионе «желтых» мигрантов. В связи с чем весомым аргументом являлось то, что «в то время как все остальные сибирские инородцы, и даже корейцы, стояли духовно и материально ниже русского населения Сибири, при неравенстве общественно-бытовых и вообще внешних условий, подавляются также и духовною силою русского народа, являясь по отношению к последнему «этнографическим материалом», – китайцы, напротив, во всех своих сношениях с русскими, выступали сами как сила, не только не отступающая, но всюду и везде явно идущая вперед». Вместе с тем автор данного комментария отмечает, что существенно осложняет ситуацию то, что «китайцы до сих пор еще остаются у нас чем-то "полутерпимым", чем-то средним между "своими" и "иностранцами" без ясных прав и тех, и других; и без установившегося на них прочного административного взгляда» [39].

К концу XIX столетия при активном участии корреспондентов сибирской прессы были сформированы следующие ключевые содержательные компоненты китайского вопроса в регионе:

1. Китай и китайцы как представители «другой» культуры, которая нуждается в подробном и детальном изучении и освещении на страницах сибирской печати;
2. Образ Китая как одного из приоритетных торгово-экономических партнеров;
3. Образ Китая и его населения как угроза неконтролируемой, но, при условии ведения Российским правительством грамотной миграционной политики, имеющей позитивное значение для России миграции («желтый вопрос»);
4. Проблемы конкурентоспособности русских рабочих с «дешевым», но «качественным» трудом китайских мигрантов;
5. Китайские мигранты как очаг разбоя, грабежа и насилия;
6. Образ воинственного Китая как одного из активных акторов международной политики второй половины XIX в.;
7. Образ Китая как пример «упущенных возможностей» перспективного партнерства в решении споров и проблем международного характера.

Десятилетиями и веками стараниями сибирской прессы формируется мнение сибиряков о Китае и его населении. Каждая эпоха расставляет свои акценты, формирует особые представления, даже стереотипы восприятия «загадочного азиатского соседа». Важная миссия передана в наследство современной сибирской прессе периодической печатью Сибири второй половины XIX в. Были расставлены основополагающие акценты в видении таких ключевых проблем, как китайская миграция в регионе, специфика торгово-экономических связей России и Китая на региональном уровне, социально-культурное взаимодействие с переселенцами из Поднебесной. Многие из указанных на страницах сибирских газет исследуемого периода замечаний не утратили своей актуальности, правдоподобности. Более того, многие заявления сибирских корреспондентов оказались пророческими. В связи с чем ни в коем случае не стоит игнорировать такой массивный комплекс материалов, как региональная периодическая печать и ее видение обозначенных вопросов в контексте формирования современного взгляда на данную проблему. Очевидно, что Китай прочно вошел в сферу интересов не только политической элиты России, но и ее населения в целом, достойным подтверждением чему может служить кропотливая и многовековая работа сибирской периодической печати по конструированию и интерпретации образа Китая и населения Поднебесной на своих страницах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. 5 января 1897г. // Сибирь. – Санкт-Петербург. – 1897. – № 3. – С. 1.
2. В. Наши отношения с соседями // Владивосток. – Владивосток. – 1887. – № 40. – С. 4.
3. В. П. Жёлтый вопрос в России // Владивосток. – Владивосток. – 1889. – № 3. – С. 3.
4. В. П. Жёлтый вопрос в России // Владивосток. – Владивосток. – 1889. – № 5. – С. 4–5.
5. Васильев В. Китайцы – новые подданные России // Восточное обозрение. – 1884. – № 2. – С. 1–3.
6. Владивосток. – Владивосток. – 1896. – № 19. – С. 5.
7. Движение китайцев в Забайкалье // Томский листок. – Томск. – 1896. – № 117. – С. 2.
8. Дети и инородцы // Восточный вестник. – Владивосток. – 1899. – № 63. – С. 3.
9. Жёлтые и белые // Дальний восток. – Владивосток. – 1895. – № 41. – С. 2.
10. Из Кульджи // Восточное обозрение. – 1882. – № 29. – С. 7.
11. Иностранцы в Приамурском крае. Китайцы // Приамурские ведомости. – Хабаровск. – 1896. – № 143. – С. 15.
12. К вопросу о пограничных делах // Сибирская газета. – 1888. – № 32. – С. 4.
13. Киранский. Китайцы в Приамурском крае // Сибирь. – Санкт-Петербург. – 1897. – № 115. – С. 2.
14. Китайский вопрос // Дальний восток. – Владивосток. – 1892. – № 14. – С. 2.

15. Л. С. Китайцы // Амурская газета. – Благовещенск. – 1897. – № 16. – С. 550.
16. Н. Убийства манзами в окрестностях Владивостока // Владивосток – Владивосток. – 1890. – № 47. – С. 3–4.
17. Н.М. Из местной инородческой жизни. Китайянки // Владивосток. – Владивосток. – 1893. – № 36. – С. 9.
18. Наши недоразумения с китайцами // Сибирская газета. – 1883. – № 37. – С. 938.
19. Невзгоды китайянок // Восточный вестник. – Владивосток. – 1898. – № 16. – С. 2.
20. Новый год у китайцев // Сибирская газета. – 1881. – № 13. – С. 302–303.
21. Отношение русских и европейцев к китайцам и маньчжурам // Томский листок. – Томск. – 1896. – № 222. – С. 2.
22. Панов В. Хунхузы // Дальний восток. – Владивосток. – 1898. – № 75. – С. 2.
23. Перемены в китайских обычаях // Сибирская жизнь. – Томск. – 1897. – № 243. – С. 2.
24. По поводу перехода китайцев в русское подданство // Дальний восток. – Владивосток. – 1894. – № 1. – С. 3.
25. Приморская область. Наплыв китайцев // Сибирская жизнь – Томск. – 1898. – № 216. – С. 1.
26. С китайской границы // Восточное обозрение. – 1884. – № 1. – С. 6.
27. Сибирская газета. – 1882. – № 18. – С. 613–614.
28. Сибирские известия. Благовещенск на Амуре // Сибирская газета. – 1883. – № 34. – С. 870.
29. Сибирское обозрение // Сибирская газета. – 1882. – № 39. – С. 1089–1092.
30. Спрос на китайцев // Томский листок. – Томск. – 1896. – № 117. – С. 2.
31. Столкновения русских с иностранцами // Томский листок. – Томск. – 1896. – № 154. – С. 2.
32. Суханов А. К вопросу об увеличении русских рабочих в Амурском крае // Приамурские ведомости. – Хабаровск. – 1894. – № 6. – С. 9.
33. Франко-китайская война // Восточное обозрение. – 1884. – № 36. – С. 1–3.
34. Хроника // Владивосток. – Владивосток. – 1886. – № 15. – С. 4.
35. Хроника // Владивосток. – Владивосток. – 1893. – № 9. – С. 5.
36. Хроника // Владивосток. – Владивосток. – 1893. – № 27. – С. 3.
37. Хроника // Владивосток. – Владивосток. – 1893. – № 28. – С. 4.
38. Хроника // Владивосток. – Владивосток. – 1896. – № 19. – С. 8.
39. Хунхузы // Дальний восток. – Владивосток. – 1898. – № 75. – С. 2.
40. Чайное дело // Сибирская газета. – 1885. – № 8. – С. 200–202.

Информация об авторе

Кружалина Анастасия Алексеевна,
кандидат исторических наук, преподаватель
кафедры политологии, истории и регионоведе-
ния Иркутского государственного университета
dekanat@hist.isu.ru

664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, д. 1;

Получена: 27.10.2014

Information about the author

Kruzhalina Anastasiia Alekseevna,
Candidate for Doctorate in History, Lecturer at the
Chair of Political Studies, History and Regional
Studies, Irkutsk State University,
dekanat@hist.isu.ru

Bldg. 1, K. Marx Str., 664003, Irkutsk city, Russia

Received: 27.10.2014